

ИОАХИМ фон РИББЕНТРОП

Имперский министр иностранных дел

АЛЬЯНС И РАЗРЫВ СО СТАЛИНЫМ*

(Из воспоминаний)

Иоахим фон Риббентроп (1893—1946) — один из главных нацистских военных преступников. В годы первой мировой войны — офицер кайзеровской армии. По профессии — виноторговец. В 1932 г. вступил в НСДАП и СС, имел чин штандартенфюрера СС. С 1933 г. — уполномоченный нацистской партии и советник Гитлера по вопросам внешней политики. С 1936 г. — посол в Великобритании, с февраля 1938 по май 1945 г. — имперский министр иностранных дел. Ему принадлежала ведущая роль в сколачивании блока стран-агрессоров, в частности, создания «Антикоминтерновского пакта» и пакта Трех держав. В 1943—1945 гг. по заданию фашистских верхов пытался достигнуть сепаратного перемирия с западными державами. Казнен (повешен) по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

МОСКВА

Искать компромисса с Россией было моей сокровенной идеей: я отстаивал ее перед фюрером потому, что, с одной стороны, хотел облегчить проведение германской внешней политики, а с другой — обеспечить для Германии русский нейтралитет на случай германо-польского конфликта.

С марта 1939 г. я считал, что в речи Сталина (доклад на XVIII съезде КПСС. — Сост.) мною услышано его желание улучшить советско-германские отношения. Он сказал, что Россия не намерена таскать каштаны из огня для капиталистических держав.

Я ознакомил с этой речью фюрера и настоятельно просил его дать мне полномочия для требующихся шагов, дабы установить, действительно ли за этой речью скрывается серьезное желание Сталина. Сначала Адольф Гитлер занял выжидательную позицию и колебался. Но когда находившиеся на точке замерзания переговоры о заключении германо-советского торгового договора возобновились, я все-таки предпринял в Москве зондаж насчет того, нет ли возможности преодоления политических разногласий и урегулирования вопросов, существующих между Берлином и Москвой. Переговоры о торговом договоре, которые очень умело вел посланник Шнурре, за сравнительно короткий срок продвинулись вперед.

Взаимные дипломатические беседы становились все более со-

* Заголовок дан составителем.

держательными. В конечном счете я дипломатическим путем подготовил заключение пакта о ненападении между Германией и Россией. В ответ на телеграмму Адольфа Гитлера Сталин (в письме от 21 августа 1939 г. — Сост.) пригласил полномочного представителя Германии в Москву.

Там я продолжил нашу политику*

* Примечание нем. издателя Аннелиз фон Риббентроп.

В качестве добавления к этому весьма лаконичному изложению моим мужем предыстории германо-русского пакта приведу здесь некоторые выдержки из служебных документов министерства иностранных дел. (Цит. по: Die Beziehungen zwischen Deutschland und Sowjetunion 1939 bis 1941. Aus den Archiven des Auswärtigen Amts und der deutschen Botschaft in Moskau. Herausgegeben von Dr. Alfred Seidl. Tübingen, 1949). Из них видно, насколько велики были те трудности, которые пришлось преодолеть моему мужу. Так, еще 20 июня 1939 г. Гитлер заявлял, что «в возобновлении политических переговоров с Россией Германия в настоящее время не заинтересована». Важным пунктом переговоров [о пакте] явилась беседа, которую мой муж 2 августа 1939 г. имел с советником советского посольства Астаховым и содержание которой он по телеграфу подробно сообщил германскому послу в Москве:

«Вчера вечером я принял русского поверенного в делах (...). Мой целью было продолжить с ним известные беседы, которые еще раньше велись с Астаховым сотрудниками министерства иностранных дел. Я начал с разговора о переговорах насчет заключения торгового договора, которые в настоящий момент, к нашей радости, успешно развиваются, и охарактеризовал такое торговое соглашение как хороший этап на пути к нормализации германо-русских отношений, если она является желательной. Как известно, тон нашей прессы по отношению к России за последние полгода стал существенно иным. Я считаю, что, если у русской стороны тоже наличествует такое же желание, новое урегулирование наших отношений является возможным при соблюдении двух предпосылок:

а) невмешательство во внутренние дела другого государства (г-н Астахов считает это вполне возможным);

б) отказ от политики, направленной против наших жизненных интересов. На это Астахов окончательного ответа дать не смог, но высказался в том смысле, что его правительство имеет желание вести с Германией политику взаимопонимания.

Я продолжал: наша политика прямолинейна и определена на длительный срок, нам спешить некуда. Наша готовность в отношении Москвы налицо, дело, следовательно, за тем, какой путь желают ее правители. Если Москва займет позицию против нас, мы знали бы, что нам делать и как нам действовать; в противном же случае на всем протяжении от Балтийского моря до Черного не было бы ни одной проблемы, которую нельзя было бы решить между нами. Я сказал, что на Балтийском море места хватит для нас обоих и что русские интересы с нашими здесь никоим образом не сталкиваются. Что касается Польши, то мы за дальнейшим развитием следим внимательно и с ледяным спокойствием. В случае польской провокации мы разделяемся с Польшей в недельный срок. В этой связи я сделал намек, что о судьбе Польши мы можем с Россией договориться. Германо-японские отношения я обрисовал как хорошие и дружественные, они являются прочными. Однако насчет русско-японских отношений у меня свои взгляды (под этим я подразумевал modus vivendi между обеими странами на длительный срок).

Весь разговор я провел в непринужденном тоне и в заключение дал поверенному в делах еще раз понять, что мы в большой политике не проводим такую тактику, как демократические державы. Мы привыкли стоять на солидной почве, нам нет нужды обращать внимание на колеблющееся общественное мнение, и мы не желаем никаких сенсаций. Если же такие разговоры, как наш, не будут столь конфиденциальны, как они того требуют, от их продолжения придется отказаться. Мы не поднимаем вокруг этого никакого шума: выбор, как уже сказано, остается за Москвой. Если наши соображения вызывают там интерес, пусть г-н Молотов снова возобновит контакт с графом Шулленбургом.

Сначала я предложил послать в Москву не меня, а другого уполномоченного — тут я подумал о Геринге. Принимая во внимание мою деятельность в качестве посла в Англии, мои японские связи и всю мою внешнюю политику, я считал, что для миссии в Москву буду выглядеть деятелем слишком антикоммунистическим. Но фюрер настоял на том, чтобы в Москву отправился именно я, сказав, что это дело «я понимаю лучше других».

При своем отъезде я о якобы уже принятом фюрером решении напасть на Польшу ничего не знал, а также не верил в то, что он уже тогда принял его окончательно. Естественно, ставшие тем временем острыми напряженные отношения с Польшей выдвинулись на первый план и Адольф Гитлер уже в начале августа высказал [итальянскому министру иностранных дел] графу Чиано желание при всех условиях решить проблему Данцига и коридора.

Когда я отправился в Москву, ни о каких военных шагах речь не шла и я придерживался взгляда, что Адольф Гитлер, хотя и желает оказать давление на Польшу, в конечном счете хочет разрешить эту проблему дипломатическим путем. У меня была надежда на то, что после опубликования германо-советского пакта о ненападении Англия в большей мере дистанцируется от Польши и окажется более склонной вступить в переговоры с нами.

* * *

В самолете я прежде всего вместе с [юридическим советником, послом] Гаусом набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Москве это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста заранее не подготовили.

Со смешанным чувством ступил я первый раз на московскую землю. Многие годы мы враждебно противостояли Советскому Союзу и вели друг с другом крайне острую мировоззренческую борьбу. Никто из нас никаких надежных знаний о Советском Союзе и его руководящих лицах не имел. Дипломатические сообщения из Москвы были бесцветны. А Сталин в особенности казался нам своего рода мистической личностью.

Я хорошо осознавал особую ответственность возложенной на меня миссии, тем более что это я сам предложил фюреру предпринять попытку договориться со Сталиным. Возможен ли вообще действительный компромисс взаимных интересов?

Дополнение для графа Шулленбурга.

Я вел разговор, не выказывая никакой спешки. Поверенный в дела, казавшийся заинтересованным, со своей стороны, неоднократно пытался конкретизировать разговор; в ответ на это я дал ему понять, что я не готов ни к какой конкретизации до тех пор, пока нам не будет официально сообщено желание советского правительства к формированию новых отношений. Если Астахов получит инструкции в этом духе, с нашей стороны будет проявлен интерес к скорой конкретизации. Сообщаю вам это исключительно для вашей личной информации. — Примеч. нем. изд. Аннелиз фон Риббентроп.

В то же самое время английская и французская военные миссии еще вели в Москве переговоры с Кремлем о предполагаемом военном пакте. Я должен сделать все от меня зависящее, чтобы договориться с Россией. Вот какие мысли руководили мной, когда наш самолет приближался к Москве.

23 августа во второй половине дня, между 4 и 5 часами, мы в самолете фюрера прибыли в московский аэропорт, над которым рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха. Мы были встречены нашим послом графом фон дер Шуленбургом и русским послом (в действительности — заместителем наркома иностранных дел СССР. — Сост.) Потемкиным. Обойдя строй почетного караула советских военно-воздушных сил, который произвел на нас хорошее впечатление, мы, в сопровождении русского полковника, направились в здание бывшего австрийского посольства, в котором я жил в течение всего своего пребывания в Москве.

Сначала у меня состоялась в германском посольстве беседа с нашим послом Шуленбургом. Туда мне сообщили, что сегодня в 18 часов меня ожидают в Кремле. Кто именно будет вести переговоры со мной — Молотов или сам Сталин, — сообщено не было. Какие странные эти московские нравы! — подумал я про себя. Незадолго до назначенного времени за нами заехал широкоплечий полковник (как я слышал, это был начальник личной охраны Сталина), и вскоре мы уже въезжали в Кремль. По пути Шуленбург обращал мое внимание на некоторые исторические здания. Затем мы остановились у небольшого подъезда, и нас провели вверх по короткой, похожей на башенную лестнице. Когда мы поднялись, один из сотрудников ввел нас в продолговатый кабинет, в конце которого нас стоя ожидал Сталин, рядом с ним стоял Молотов. Шуленбург даже не смог удержать возгласа удивления: хотя он находился в Советском Союзе вот уже несколько лет, со Сталиным он еще не говорил никогда.

После краткого официального приветствия мы вчетвером — Сталин, Молотов, Шуленбург и я — уселись за стол. Кроме нас присутствовал наш переводчик — советник посольства Хильгер, прекрасный знаток русской жизни, и молодой светловолосый русский переводчик Павлов, который явно пользовался особым доверием Сталина.

В начале беседы я высказал желание Германии поставить германо-советские отношения на новую основу и прийти к компромиссу наших интересов во всех областях; мы хотим договориться с Россией на самый долгий срок. При этом я сослался на речь Сталина весной [1939 г.], в которой он, по нашему мнению, высказал те же мысли. Сталин обратился к Молотову и спросил его, не хочет ли тот для начала ответить. Но Молотов попросил Сталина сделать это самому, так как именно он призван сделать это. Затем заговорил Сталин — кратко, точно, без лишних слов. То, что он говорил, было ясно и недвусмысленно и показы-

вало, как мне казалось, желание компромисса и взаимопонимания с Германией. Сталин использовал характерное выражение: хотя мы многие годы поливали друг друга бочками навозной жижи, это еще не причина для того, чтобы мы не смогли договориться. Свою речь 10 марта 1939 г. он произнес сознательно, чтобы намекнуть нам о своем желании договориться с Германией. Как видно, у нас это поняли правильно. Ответ Сталина был столь позитивен, что после первой принципиальной беседы, в ходе которой мы констатировали взаимную готовность к заключению пакта о ненападении, мы сразу же смогли договориться о материальной стороне разграничения наших обюодных интересов, особенно по вопросу о германо-польском кризисе. На переговорах царила благоприятная атмосфера, хотя русские известны как дипломаты упорные. Были разграничены сферы интересов в странах, лежащих между Германией и Советским Союзом. Финляндия, большая часть Прибалтийских государств, а также Бессарабия были объявлены принадлежащими к советской сфере. На случай возникновения германо-польского конфликта, который в создавшемся положении казался неизбежным, была согласована «демаркационная линия».

Уже в ходе первой части переговоров Сталин заявил, что желает установления определенных сфер интересов. Под «сферой интересов», как известно, понимается, что заинтересованное государство ведет с правительствами принадлежащими к этой сфере стран касающиеся только его самого переговоры, а другое государство заявляет о своей категорической незаинтересованности. При этом Сталин пообещал, что внутреннюю структуру этих государств он затрагивать не хочет. На сталинское требование сфер интересов я, имея в виду Польшу, ответил: поляки становятся все агрессивнее и было бы хорошо на тот случай, если они доведут дело до войны, определить разделительную линию, чтобы германские и русские интересы не столкнулись. Эта демаркационная линия была установлена по течению рек Висла, Сан и Буг. При этом я заверил Сталина, что с германской стороны будет предпринято все, чтобы урегулировать вопрос с Польшей дипломатическо-мирным путем.

Соглашения, касающиеся других стран, само собою разумеется, не могут содержаться в договорах, предназначенных для общественности, а потому для этого прибегают к договорам секретным. Секретный договор (имеется в виду дополнительный протокол. — Сост.)^{*} был заключен и еще по одной причине: германо-

* Стремясь и в дальнейшем не допустить огласки, Сталин в 1945 г. через Вышинского дал представителям советского обвинения на Нюрнбергском процессе категорическое указание ни в коем случае не допускать и незамедлительно пресекать любую попытку обвиняемых говорить о секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Поэтому, когда Риббентроп на допросе 1 апреля 1946 г. упомянул о нем в связи с Польшей, главный обвинитель от СССР генерал Руденко сразу оборвал его. Риббентроп сказал: «Нет сомнения, что Сталин никак не может обвинить Германию в агрессии или захватнической войне против Польши. Если рассматривать это как агрессию, то в ней повинны обе стороны».

русское соглашение нарушало соглашение между Россией и Польшей, в также договор между Францией и Россией, предусматривавший при его заключении консультации с другой стороной.

Твердость советской дипломатии проявилась в вопросе о Прибалтийских странах, а особенно — в вопросе о порте Либау (Лиепая. — Сост.), на который русские претендовали как на сферу своих интересов. Хотя я и имел неограниченные полномочия для заключения договора, я счел правильным запросить Адольфа Гитлера. Поэтому переговоры были на время прерваны, чтобы возобновиться в 10 часов вечера после того, как я получил согласие фюрера. Теперь больше никаких трудностей не имелось, и пакт о ненападении, а также секретный дополнительный протокол к нему были парафированы и уже около полуночи подписаны.

Затем в том же самом помещении (а это был служебный кабинет Молотова) был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. В самом начале его произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчеркнуто дружеских словах Stalin выразил надежду, что подписанные сейчас договора кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях. Таким образом, за немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое согласие, о каком я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог и которое наполняло меня теперь величайшими надеждами насчет будущего развития германо-советских отношений.

Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердость, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, человека, который сумел сплотить двести миллионов человек своей империи сильнее, чем любой царь прежде.

Заслуживающим упоминания кажется мне небольшой, но характерный эпизод, произошедший к концу этого вечера. Я спросил Сталина, может ли сопровождавший меня личный фотограф фюрера сделать несколько снимков. Stalin согласился, и это был первый раз, когда он разрешил фотографировать в Кремле иностранцу. Когда же Stalin и мы, гости, были сняты с бокалами крымского шампанского в руках, Stalin запротестовал: публикации такого снимка он не желает! По моему требованию фоторепортер вынул пленку из аппарата и передал ее Stalinу, но

тот отдал ее обратно, заметив при этом: он доверяет нам, что снимок опубликован не будет. Эпизод этот незначителен, но характерен для широкой натуры наших хозяев и для той атмосферы, в которой закончился мой первый визит в Москву.

Когда я на следующее утро из окна моей квартиры поглядел через улицу, один из сопровождавших меня обратил мое внимание на нескольких человек, выглядывавших из окна расположенного напротив жилого дома — здания английского или французского посольства. То были члены английской или французской военных миссий, которые вот уже длительное время вели в Москве переговоры об англо-франко-советском военном союзе.

В процессе наших бесед я, разумеется, спросил Сталина об этих военных миссиях. Он ответил: с ними вежливо расщаются. Так оно и произошло. Тем не менее я полагаю, что контакты между западными военными и Москвой после их отъезда все же сохранились. Другой вопрос, заданный мной Сталину, касался того, как совместить наш пакт с русско-французским договором 1936 г. На это Stalin лаконично ответил: «Русские интересы важнее всех других».

24 августа я вместе с нашей делегацией вылетел в Германию с убеждением в том, что желание Сталина и Молотова идти к взаимопониманию с Германией в тот момент было искренним. Когда я докладывал Адольфу Гитлеру о московских переговорах, у меня сложилось впечатление, что и он, безусловно, воспринимал этот компромисс с Россией всерьез.

Соглашения рассматривались нами как прочный компромисс на самый длительный срок. Пакт с Россией, вне всякого сомнения, был исключительным успехом не только с реально-политической точки зрения, но и наверняка должен был найти одобрение у немецкого народа. Несмотря на многолетние идеологические схватки национал-социализма и большевизма, о значении дружественной России для германской политики забывать было нельзя. Отказ от бисмарковской политики в отношении России положил начало тому окружению Германии, которое привело к первой мировой войне. В ситуации 1939 г. восстановление политических отношений с Россией было по реальным политическим причинам перворазрядным политическим актом обеспечения нашей безопасности.

Я лично как человек, докладывавший фюреру об этом компромиссе с Советским Союзом, надеялся, в частности, на следующее:

1. Скорейшая ликвидация наиопаснейшей конфликтной ситуации, которая могла угрожать миру в Европе, путем дипломатического преодоления мировоззренческих противоречий между национал-социализмом и большевизмом.

2. Создание действительно дружественных германо-советских отношений на фундаменте германской внешней политики в духе Бисмарка.

3. В тогдашней особой ситуации августа 1939 г. использовать все возможности дипломатического решения проблемы Данцига и коридора в духе предложений Адольфа Гитлера.

24 августа я вместе с нашей делегацией вылетел в Германию. Предусматривалось, что я прямо из Москвы должен лететь в Берхтесгаден, чтобы доложить обо всем фюреру в его резиденции Бергхоф. Я думал предложить ему созвать европейскую конференцию для урегулирования польского вопроса. Неожиданно наш самолет радиограммой повернули на Берлин, куда Гитлер вылетел в тот же день. Из соображений безопасности нам пришлось сделать большой крюк над Балтийским морем.

* * *

27 сентября 1939 г. — еще в последний день польской кампании — я во второй раз вылетел в Москву для урегулирования вопросов о вступлении советских войск в Польшу. Я нашел у Сталина и Молотова ярко выраженный дружеский, почти что сердечный прием. Во время этого визита большой линией на карте (ее собственной рукой провел Stalin. — Сост.) были установлены границы между будущим генерал-губернаторством и Советским Союзом. Одновременно было обсуждено далеко идущее торговое соглашение и подписан договор о дружбе [и границе] от 28 сентября 1939 г.

Упорство русских в достижении дипломатических целей вновь дало себя знать, когда Stalin и Молотов, даже идя на отказ от некоторых областей (Люблина), в противоположность заключенному в августе соглашению, стали притязать на включение в советскую сферу интересов Литвы. Поскольку в этом вопросе русские были весьма настойчивы, я поставил о том в известность фюрера. Некоторое время спустя он сам позвонил мне и заявил — явно не с легким сердцем, — что согласен включить Литву в сферу советских интересов. Но при этом добавил: «Я хотел бы установить совсем тесные отношения». Когда я сообщил эту реплику Stalinу, тот лаконично произнес: «Гитлер свой гешефт понимает».

По возвращении Гитлер сказал мне, что в литовском вопросе он хотел доказать русским, что с самого начала желал делать все для компромисса с восточным соседом и установить «настоящие отношения взаимного доверия». Я и сегодня не сомневаюсь в том, что это высказывание было тогда искренним и что Адольф Гитлер в тот момент серьезно рассчитывал на долгосрочное взаимопонимание. Несмотря на бросавшийся в глаза интерес русских к Литве, Гитлер оценивал тогда русские намерения в отношении Германии как вполне отвечающие заключенным договорам. В своем докладе после возвращения из Москвы я старался его в этом мнении укрепить.

Как и во время моего первого визита, переговоры с русской

стороны преимущественно вел сам Сталин, а частично Молотов. Мне запомнились два высказывания Сталина.

Когда я после подписания договора о дружбе сказал Сталину, что, по моему убеждению, немцы и русские больше никогда не должны скрестить оружие, Сталин с минуту подумал, а потом ответил буквально следующее: «Пожалуй, это все-таки должно было быТЬ!» Я попросил переведившего советника посольства Хильгера еще раз перевести мне эти слова, настолько необычной показалась мне эта формулировка. Осталось у меня в памяти от наших бесед и еще одно высказывание Сталина. Когда я стал зондировать возможность более тесного союза благодаря договору о дружбе, имея в виду регулярный союз для будущих сражений против западных держав, Сталин ответил мне: «Я никогда не допущу ослабления Германии!»

Над этими двумя высказываниями Сталина мне впоследствии приходилось часто задумываться. Что он, собственно, хотел сказать этими словами? Резкие критики Советского Союза (в их числе и бывший английский посол в Берлине сэр Невилл Гендерсон) утверждали: Сталин заключил пакт с Германией только для того, чтобы подтолкнуть фюрера к нападению на Польшу, хорошо зная, что Англия и Франция выступят на ее стороне. После предположительной победы Германии над Польшей Россия, во-первых, вернет себе потерянные в последней войне области, а, во-вторых, будет спокойно глядеть, как Германия, воюя с западными державами, исчерпает свои силы, чтобы затем в подходящий момент бросить всю мощь Красной Армии на дальнейшую большевизацию Европы.

Насколько оправдана эта оценка тогдашних намерений Сталина, я не знаю. Во всяком случае, оба его высказывания поддаются различным интерпретациям. Первая из них показывает, что мое высказывание «больше никогда не должно быть войны между немцами и русскими» было воспринято Сталиным гораздо холоднее, чем я ожидал, так как в этот момент им владела никогда не покидавшая его мысль о дальнейшем перенесении большевистской революции в Германию и Европу, а тем самым, значит, и мысль о возможности в будущем германо-русского столкновения. Так ли это? Или же он чувствовал себя, как человек исторического масштаба, достаточно великим, чтобы в момент заключения договора о дружбе ответить мне обычной дипломатической общкой фразой? Думал ли он при этом о невозможности преодолеть противоположность обоих мировоззрений (как это впоследствии воспринимал фюрер) и считал ли он, что по этой причине столкновение будет неизбежным?

В связи с первым высказыванием Сталина второе приобретает еще большее значение. Оно недвусмысленно выдавало сознание Советским Союзом своей силы и намерение выступить в случае неудачного для Германии хода войны. Это высказывание, которое я в точности запомнил, было преподнесено Сталиным в такой

спонтанной форме, что оно наверняка отвечало его тогдашнему внутреннему убеждению. Меня особенно поразила прозвучавшая в словах Сталина огромная самоуверенность насчет боеспособности Красной Армии.

Мое личное мнение склоняется к тому, что договоренность с Германией Сталин рассматривал прежде всего как особенно выгодную для себя сделку, какой она на самом деле и была. Далее, он мог быть убежден в том, что в случае войны между Германией и западными державами Россия ничего потерять не может. Вероятно, он верил в возможность тянувшейся годами окопной войны на Западе, как это имело место в 1914—1918 гг. Если же война затянется и позиции Германии ослабнут, рейх в еще большей степени окажется в экономической и продовольственной областях зависимым от русской помощи. Если Германия войну проиграет, Красной Армии предоставится большая оказия проникнуть в Центральную Европу. Если же война закончится «вничью», все ведущие ее стороны в любом случае будут ослаблены, а Россия наверняка не останется в убытке. Каковы действительно были мысли Сталина, верно, никто никогда не узнает. Но ход их мог быть примерно таким. Быстрая победа Германии на Западе наверняка явилась для Сталина ошеломляющей неожиданностью. Еще во время нашего продвижения во Франции в советской политике стала ощущаться новая тенденция, а тем самым начался тот трагический ход событий, который привел к началу германо-русской войны в июне 1941 г.

В отличие от моего первого приезда в Москву на сей раз состоялось несколько торжественных мероприятий. В Большом театре в честь германской делегации дали «Лебединое озеро» Чайковского. Мы сидели в большой центральной ложе и восхищались отличным музыкальным исполнением и неповторимой прелестью русского балета. Я часто слышал о том, что нынешнее оперное и балетное искусство в России не уступает существовавшему в царские времена. Прима-балерина, приехавшая ради нас из Ленинграда, танцевала великолепно. Я хотел было лично поблагодарить танцовщицу, но граф Шулленбург отсоветовал: это могут воспринять с неудовольствием. Я послал ей цветы, надеясь, что в Кремле это не вызовет неприятных последствий.

Сталин дал в нашу честь большой банкет, на который были приглашены члены Политбюро. Поднимаясь с нашей делегацией по огромной лестнице бывшего царского дворца, где проходил прием, я, к своему удивлению, увидел картину, на которой был изображен царь Александр II со своими крестьянами, после отмены крепостного права. Наряду с другими впечатлениями мне показалось это знаком того, что в сталинской Москве наметилась эволюция тезиса о мировой революции в более консервативном направлении. Фильм «Петр Первый», который как раз шел тогда на московских экранах, тоже мог истолковываться в этом духе.

Члены Политбюро, ожидавшие нас, меня приятно обескура-

жили, во всяком случае, я и мои сотрудники провели с ними вечер в весьма гармоничной обстановке. Данцигский гауляйтер, сопровождавший меня в этой поездке, во время обратного полета даже сказал: порой он чувствовал себя просто «среди своих старых партайгеноссен»*.

Во время банкета по русскому обычаю произносилось множество речей и тостов за каждого присутствующего вплоть до секретарей. По большей части говорил Молотов, которого Сталин (я сидел рядом с ним) подбивал на все новые и новые речи. Подавали великолепные блюда, а на столах стояла особенно крепкая коричневая водка. Этот напиток был таким крепким, что от него перехватывало дыхание. Но на Сталина коричневая водка словно не действовала. Когда по этому поводу мы высказали свое удивление насчет крепости русских глоток в сравнении с немецкими, Сталин рассмеялся и, подмигнув, выдал мне «тайну»: сам он пил на банкете только крымское вино, но оно имело такой же цвет, что и эта дьявольская водка.

В течение всего вечера я не раз дружески беседовал с членами Политбюро, которые подходили, чтобы чокнуться со мной. Особенно вспоминаются мне маршал Ворошилов и министр транспорта Каганович. О нем и о его еврейском клане у нас часто говорили в Германии. Его причисляли к крупнейшим закулисным лицам интернационального еврейства. Мой разговор с г-ном Кагановичем был очень коротким, но все мои наблюдения как в этот вечер, так и во время обоих посещений Москвы подтвердили мое убеждение: ни о какой акции, руководимой интернациональным еврейством и согласованной между Москвой, Парижем, Лондоном и Нью-Йорком, всерьез говорить не приходилось. В московском Политбюро, этом абсолютно всевластном органе для всей России, кроме Кагановича не было ни одного еврея. И среди высших советских функционеров я обнаружил их очень мало. По моим собственным наблюдениям, а также на основе исследований, которые я приказал провести по данному вопросу, могу сказать: никаких перекрестных связей между московскими и подобными еврейскими кругами в западных столицах не имелось. Возможно, связи могли поддерживаться через коминтерновский центр. Но тезис, будто какой-то интернациональный, межгосударственный еврейский центр действовал с целью большевизации всего мира, я считаю несостоятельным.

После своего возвращения из Москвы я часто говорил с Адольфом Гитлером именно по этому вопросу, и у меня сложилось впечатление, что он — по крайней мере, в 1939 и 1940 гг. — приближался к пониманию моих взглядов. Однако он был весьма неустойчив в выражении своего мнения, и я не знаю, играли ли у него, и в какой именно степени, роль тактические соображения.

* Товарищи по партии (нем.). Официальное наименование членов НСДАП.
Примеч. сост.

В любом случае, я питал тогда большие надежды на то, чтобы путем политического взаимопонимания с Россией привести фюрера к эволюционному мышлению в вопросах мировоззрения, а тем самым и к повороту в его отношении к еврейству. Я был убежден, что внешняя политика не может проводиться, руководствуясь мировоззренческой точкой зрения. В дальнейшем ходе войны фюрер все сильнее возвращался к мысли о существовании международного еврейского заговора против Германии.

РАЗРЫВ С РОССИЕЙ

Осенью 1939 г. советское правительство перешло к оккупации Прибалтийских государств. Именно в тот момент, когда я во второй раз прибыл в Москву, я видел, как прибалтийские министры с побледневшими лицами покидали Кремль. Незадолго до этого Сталин сообщил им, что его войска вступят в их страны.

В день подписания нашего договора о границе и дружбе Советский Союз заключил с Эстонией, затем 5 октября — с Латвией, а 10 октября — с Литвой договора о военной взаимопомощи. В этих государственных договорах СССР оговорил для себя право создавать внутри данных стран базы для военно-морского флота и береговой артиллерии, а также размещать на их территории аэродромы для своей военной авиации и, наконец, содержать гарнизоны своих сухопутных войск и военно-воздушных сил.

Несколько недель спустя Россия в результате зимней войны с Финляндией осуществила новые территориальные приобретения. Во время этой войны симпатии очень многих немцев, в том числе и Гитлера, были на стороне финнов. По-человечески это было понятно. Я тоже, помня о нашем братстве по оружию в первой мировой войне, сочувствовал финнам в их борьбе. Но все-таки я старался, чтобы из этого спонтанного чувства, учитывая наши отношения с Советским Союзом, не возникли многие трудности для германской внешней политики.

В середине июня 1940 г. вся Литва, в том числе и ее входившая в сферу германских интересов часть, была без всякого предварительного извещения имперского правительства занята Советским Союзом. Вскоре то же самое произошло с Латвией и Эстонией. И наконец 3, 5 и 6 августа 1940 г. Эстония, Латвия и Литва решением Верховного Совета СССР были включены в состав Советского Союза в качестве союзных республик. Экономические соглашения Германии с этими государствами, которые согласно итогам московских переговоров не должны были понести никакого ущерба, были советским правительством ликвидированы в одностороннем порядке.

К концу французской кампании, 23 июня 1940 г., в Берлин поступила телеграмма нашего посла в Москве: Советский Союз намерен в ближайшие дни оккупировать румынскую провинцию

Бессарабию, а нас собирается лишь известить о том. Одновременно до фюрера дошел вопль румынского короля о помощи: тот просил у него совета в связи с предъявленным ему русским ультиматумом. Адольф Гитлер был тогда поражен быстрым русским наступлением без предварительной консультации с нами. Но, выполняя принятые нами в Москве обязательства, он порекомендовал румынскому королю не сопротивляться оккупации. Румынское правительство согласилось на требование Советского Союза, попросив лишь дать ему достаточный срок для эвакуации этой большой области. Тогда Советский Союз предъявил новый ультиматум и, не дожидаясь срока его истечения, начал захват Буковины и прилегающей к ней части Бессарабии на Дунае. То, что при этом подлежала оккупации преимущественно населенная немцами Северная Буковина, исконная земля австрийской короны, особенно ошеломило Гитлера. Он воспринял этот шаг Сталина как признак русского натиска на Запад.

Ранней осенью 1940 г. фюрер получил сообщение об усиливающейся концентрации советско-русских войск вдоль границы Восточной Пруссии. Согласно этому сообщению, только перед Восточной Пруссиеи были сосредоточены 22 советские дивизии, затем крупные группировки войск в восточной части Польши, а также 30 русских корпусов в Бессарабии. После окончания французской кампании Гитлер в первый раз сообщил мне о таких симптомах необычного развертывания вооруженных сил против все еще дружественного государства. Я старался успокоить фюрера. Больше он к этому вопросу не возвращался и лишь сказал, чтобы я бдительно следил за этими вещами.

В конце августа 1940 г. меня посетил генерал-фельдмаршал Кейтель для разговора по русскому вопросу. Фюрер говорил с ним о возможной угрозе со стороны Советского Союза. Я пообещал Кейтелю, который имел насчет конфликта с Россией опасения военного характера, что предприму у фюрера все возможное, дабы сохранить с нашей стороны хорошие отношения с Россией.

Некоторое время спустя я опять имел беседу по русскому вопросу с Адольфом Гитлером, она состоялась в новом фюрерском корпусе [Коричневого дома] в Мюнхене. Он был очень возбужден. Поступили новые сведения о передвижениях войск на русской стороне. Фюрер упомянул также сообщения о русских намерениях на Балканах. Одновременно у него имелись и донесения полиции об усилившейся деятельности коммунистических агентов на германских предприятиях. Он впервые очень резко высказался насчет предполагаемого им намерения Советского Союза. Он взвешивал и такую возможность, что Сталин вообще заключил пакт с нами, исходя из предположения о длительной войне на Западе, чтобы продиктовать нам сначала экономические, а затем и политические условия.

По моему мнению, Адольф Гитлер находился тогда уже долгое время под влиянием определенных кругов, также и внутри партии,

утверждавших, что последствиями русско-германского пакта о дружбе могут быть только ущерб и опасности для Германии. Определенное антирусское влияние оказывалось на него и со стороны военных, которые в связи с финской войной считали, что мы по военно-стратегическим причинам не имели права пожертвовать Финляндией. Гитлер привык почти демонстративно говорить в своем кругу о «храбрых финнах». Поскольку Советы в вопросе о Финляндии, согласно нашему договору, использовали свое право, позиция фюрера являлась во внешнеполитическом отношении ярко выраженной неудобной. С другой стороны, Россия в своем давлении на Румынию, вне всякого сомнения, выходила за рамки своего права.

Крупная концентрация советских войск в Бессарабии вызвала у Адольфа Гитлера серьезные опасения и с точки зрения дальнейшего ведения войны против Англии: мы ни при каких обстоятельствах не могли отказаться от жизненно важной для нас румынской нефти. Продвинься здесь Россия дальше, и мы оказались бы в дальнейшем ведении войны зависящими от доброй воли Сталина.

Такие перспективы, естественно, должны были пробуждать у Гитлера недоверие к русской политике. Во время одной нашей беседы в Мюнхене он сказал мне, что, со своей стороны, обдумывает военные меры, ибо не хочет быть застигнутым Востоком врасплох.

Я со всей серьезностью заявлял тогда фюреру, что, по моему убеждению, ожидать нападения со стороны Сталина никак нельзя. Я предостерегал фюрера от каких-либо превентивных действий против России. Я напоминал слова Бисмарка о превентивной войне, при которой «Господь Бог не дает заглядывать в чужие карты». Фюрер вновь высказывал подозрение насчет возможности европейского влияния на Сталина в Москве и, несмотря на все мои возражения, выражал решимость принять хотя бы военные меры предосторожности. Он был явно озабочен и очень взвинчен. В ответ на его категорическое желание мне пришлось пообещать ему никому ничего не говорить об этом.

В последующем я сосредоточил все свои усилия и силы на прояснении и интенсификации наших отношений с Россией. Прежде всего я хотел устроить встречу Сталина и Гитлера. План сорвался, потому что Stalin не мог выехать из России, а Гитлер — из Германии. Поэтому я написал Сталину подробное письмо, в котором обрисовал общее положение — так, как мы воспринимали его после окончания французского похода — и пригласил министра иностранных дел Молотова в Берлин.

В коротком письме Сталина приглашение Молотова принималось. От этого визита я ожидал очень многое. У меня было намерение предложить советскому министру иностранных дел вступление России в заключенный тем временем пакт Трех держав, чтобы таким образом укрепить и углубить несколько поколеблен-

ные германо-русские отношения доверия. К сожалению, получилось по-другому.

Визит Молотова в Берлин (12—13 ноября 1940 г. — Сост.) не стоял под счастливой звездой, как я того желал. Молотов весьма энергично потребовал свободу рук для советского правительства в Финляндии. Гитлер же перед беседой с Молотовым не обрисовал мне подробнее свою позицию в финляндском вопросе. В этом вопросе Молотов был прав. Но фюрер не хотел отдавать Финляндию; при этом он, вероятно, считал, что не может отказаться от финского никеля. Дело дошло до весьма упорных дискуссий, в заключение которых Гитлер просил Молотова в этом вопросе пойти ему навстречу.

Молотов больше не настаивал, а перешел к вопросу о Балканах, выразив русское недовольство гарантией, данной Германией Румынии. Молотов спросил, не направлена ли она против России. Ответ Гитлера был таков: поскольку Советский Союз никогда намерения напасть на Румынию не имел, эта германская гарантия тоже никогда не была направлена против него. (После Венского арбитража и нашей данной Румынии гарантии я послал в Москву длинную телеграмму, в которой объяснил необходимость этих действий для избежания венгеро-румынской войны (из-за Трансильвании. — Сост.) и решительно подчеркнул, что эта гарантия, по всему положению дел, никоим образом не затрагивает германо-советские дружественные отношения.) Молотов поставил вопрос, согласны ли мы с тем, чтобы Россия дала такую же гарантию Болгарии. На вопрос Гитлера, а просила ли Болгария такую гарантию, как это в нашем случае имело место с Румынией, Молотов ответил уклончиво. Гитлер не захотел связывать себя согласием и заявил, что сначала должен обсудить болгарский вопрос со своим союзником Муссолини. Таким образом, беседа пошла по не очень-то удовлетворяющему пути и закончилась без каких-либо решений. От этих бесед с Молотовым у Гитлера окончательно сложилось впечатление о серьезном русском стремлении на Запад.

Несмотря на такой ход наших бесед с Молотовым, я все же добился, что советско-русский министр иностранных дел смог снова повести переговоры о предположительно возможном вступлении России в пакт Трех держав. Адольф Гитлер был согласен со мной, что в такой взаимосвязи он готов рассмотреть возможные русские требования. В тот же день состоялся ужин в советском посольстве. Он был прерван первым серьезным налетом английской авиации на Берлин, и я воспользовался этим, чтобы пригласить Молотова в мое бомбоубежище на Вильгельмштрассе, где мы просидели вместе довольно долго. Но и эта беседа оказалась не очень-то плодотворной, так как русский министр иностранных дел был беседой с фюрером неудовлетворен. То, что Молотов в ходе наших переговоров бросил реплику насчет русской заинтересованности в выходе из Балтийского моря в Северное, лишь подчеркнуло ощущавшееся Гитлером русское стремление на Запад.

В конечном итоге Молотов пообещал мне поговорить о русском вступлении в пакт Трех держав со Сталиным. Одновременно я дал Молотову согласие еще раз обсудить с фюрером германо-русские отношения, чтобы найти выход из сложившихся трудностей.

Так как Молотов уже на следующий день должен был возвращаться, никакой возможности продолжить беседы не имелось. Визит закончился охлаждением отношений, и Адольф Гитлер своих соображений мне больше не высказывал. Его сдержанность в русских вопросах бросалась в глаза. Кое-какие признаки говорили за то, что к этому делу приложили свою руку те влиятельные силы, которые стремились к принятию решения против России.

После отъезда Молотова переговоры о присоединении Советского Союза к пакту Трех держав были возобновлены по дипломатическому пути через германское посольство в Москве. Советское правительство дало нам знать, что такую возможность оно полностью исключать не хочет, но выдвинуло, кроме требования свободы рук в Финляндии, также и требование примата, то есть гарантий с определенными правами, в Болгарии и пожелало, кроме того, создания своих военных баз на турецких проливах (Босфор и Дарданеллы. — Сост.).

Об этих русских желаниях и условиях у меня в декабре 1940 г. состоялся подробный обмен мнениями с Адольфом Гитлером. Я самым настойчивым образом рекомендовал ему пойти навстречу Советскому Союзу и на согласие с ним примерно на требуемой Сталиным базе. Балканские вопросы должны быть выяснены (также и с Италией). Надо предпринять попытку сделать из пакта Трех держав пакт Четырех с участием России. Если нам это удастся, мы окажемся в благоприятной позиции; при такой расстановке сил США остались бы нейтральными, а Англия оказалась бы изолированной и испытывающей угрозу на Дальнем Востоке. Благодаря такой сильной системе союзов — во всяком случае, не без нее — можно было бы еще добиться быстрого окончания войны с Англией дипломатическим путем. Новое предложение мира Англии, для которого мы тогда получили бы свободу рук, было бы в таком случае более перспективным, чем после Дюнкерка. Однако для этого надо пойти на жертву в пользу России.

После этого обмена мнениями мне казалось, что Гитлер стал в финском вопросе, пожалуй, более уступчивым, чем прежде, но русское требование насчет Болгарии он считал (из-за позиции царя Бориса, который никогда на это не пойдет) невыполнимым. Адольф Гитлер заявил, что установление русского влияния в Болгарии означало бы установление русского влияния на Балканы в целом, а особенно на Румынию с ее нефтяными областями. Создание русских военных баз на Дарданеллах он считал невозможным потому, что Муссолини вряд ли согласится на это. Но тогда в

ответ на мои настойчивые представления он еще абсолютно отрицательной позиции не занял. Более того, в заключение нашей долгой беседы, проходившей в бомбоубежище Имперской канцелярии, он сказал насчет компромисса с русскими обнадеживающие слова: «Риббентроп, мы уже многое сделали сообща; вероятно, мы справимся и с этим делом».

Я постарался прозондировать итальянцев насчет морских проливов — как и предполагалось, здесь можно было констатировать совершенно отрицательную позицию. Относительно Болгарии фюрер, вне всякого сомнения, был прав. Царь Борис был для идеи «русской гарантии» совершенно недоступен, как я в этом убедился в связи с визитом в Болгарию. Таким образом, дело затягивалось и вперед не двигалось. Граф Шулленберг неоднократно сообщал из Москвы, что без решающих уступок заключения пакта Четырех не добиться.

В течение зимы и весны 1941 г. при всех моих докладах по русскому вопросу Адольф Гитлер постоянно занимал все более отрицательную позицию. Сильно сбивали его с толку и весьма настойчивые требования Москвы в вопросах торговли, и мне стоило большого труда и даже потребовало многих споров, чтобы в январе 1941 г. довести дело до подписания германо-советского торгового договора. Другая сторона сильно настраивала фюрера против этого договора. У меня уже тогда было такое чувство, что в своей русской политике я одинок.

В эти месяцы я все чаще указывал фюреру на политику Бисмарка в отношении России и не упускал ни одной попытки, чтобы все-таки добиться окончательного германо-русского союза. Думаю, что, несмотря на все, мне все же удалось бы сделать это, если бы между Россией и Германией не существовало мировоззренческого противоречия, при помощи которого никакой внешней политики вести было нельзя. Прежде всего благодаря идеологическим взглядам, а также русской политической позиции, благодаря военным приготовлениям [России] и требованиям Москвы у Адольфа Гитлера все больше вырисовывалась картина чудовищной коммунистической опасности для Германии. Мои аргументы против этого действовали все меньше и меньше.

Вызывали беспокойство у Гитлера, кроме того, и сообщения об англо-советских беседах, о визите в Москву сэра Стаффорда Крипписа и его переговорах в Кремле. Информация об англо-русских отношениях возвещала нам о нерадостном ходе событий.

Тем не менее я не верю, что Гитлер уже тогда окончательно решил выступить против Советского Союза. Утверждение маршала Антонеску, что во время его визитов в Германию фюрер зимой и весной 1941 г. уже пришел к намерению напасть на Россию, в любом случае неверно. Я присутствовал на этих переговорах и ничего подобного не слышал. Протоколы бесед, вероятно, сохранились и находятся сейчас в руках союзников. Хотя фюрер и говорил тогда о мерах предосторожности, о намерении нападе-

ния он не сказал ни слова. Только во время третьего визита Антонеску, в июне 1941 г., он заговорил о предстоящем выступлении.

Так как по военным вопросам меня никогда не информировали, о различных касающихся Советского Союза приказах я узнал только на Нюрнбергском процессе. О существовании твердого намерения напасть на Восток я впервые узнал только после югославской кампании, начавшейся 2 апреля 1941 г.*

Я находился в Вене, когда мне позвонил фюрер, чтобы я срочно прибыл в его специальный поезд, стоявший где-то поблизости. Там он открыл мне, что принял окончательное решение о нападении на Россию. По его словам, все имеющиеся у него военные донесения говорят о том, что Советский Союз предпринимает крупные военные приготовления на всем фронте от Балтийского моря до Черного. Он, мол, не хотел подвергнуться внезапности, раз уже осознал грозящую опасность. Пакт, который Москва заключила с сербским путчистским правительством Симовича, — это ярко выраженный афонт Германии и явный отход от германо-русского договора о дружбе. Во время этой беседы я порекомендовал фюреру принять посла графа Шулленбурга, что и было действительно сделано 28 апреля в Вене. Сам я желал во что бы то ни стало дипломатического выяснения вопросов с Москвой. Но Гитлер теперь вообще отклонил любой подобный шаг и запретил мне говорить с кем-либо об этом деле: все дипломаты вместе взятые не смогут изменить ставшей ему известной русской позиции, но они могут лишить его при нападении важнейшего тактического момента внезапности. Фюрер просил меня занять для внешнего мира четкую позицию в его духе. Он сказал, что однажды Запад поймет, почему он отклонил советские требования и выступил против Востока.

* * *

Политические соображения, которые привели Адольфа Гитлера к решению напасть на Советский Союз, были, по его тогдашним и последующим адресованным мне высказываниям, таковы.

Как известно, Гитлер еще в 1938 г. был убежден в том, что Англия и Америка вступят в войну против нас, как только в достаточной мере вооружатся. Он боялся, что обе державы заключат союз с СССР и тогда Германия однажды подвергнется нападению одновременно и с Востока, и с Запада, как это уже произошло в 1914 г. В течение 1940 г. эти прежние опасения снова овладели им. Он считал возможным, что Россия на основе своих возобновленных переговоров с Англией нападет на нас одновре-

* Уже 18 декабря 1940 г. Гитлер дал директиву № 21 о немедленной подготовке нападения на СССР, имевшую кодовое наименование «Операция Барбаросса». Разумеется, Риббентроп не мог не знать о ней. Примеч. сост.

менно с англо-американским наступлением. Одновременное использование общего потенциала Америки и России казалось ему ужасной опасностью для Германии. Большую тревогу у фюрера вызывала возможность в ходе войны оказаться зажатым в восточно-западные клещи, быть втянутым в пожирающую и людей и технику гигантскую по своему масштабу войну на два фронта. Он надеялся обеспечить себе возможность свободно дышать на Востоке вплоть до того момента, пока не вступит в действие англо-американский потенциал на Западе.

Таково было важнейшее соображение Адольфа Гитлера, которое он разъяснил мне после начала русской войны 1941 г. Он решил на нападение в надежде в течение нескольких недель устроить Советский Союз. Ошибка его в оценке русского потенциала и американской помощи стала роковой. Вполне уверен он и сам не был, ибо сказал мне тогда: «Мы не знаем, какая сила действительно стоит за теми дверями, которые мы собираемся распахнуть на Востоке».

Зимой 1940/41 г. вся Европа (за исключением Испании, которая на наши предложения ответила отказом, а также немногих нейтральных государств, таких, как Швейцария и Швеция) полностью находилась под влиянием стран оси. Англия, несмотря на свое поражение на континенте, как и прежде, идти на мир не желала. Единственным театром военных действий, на котором Англия боролась в 1941 г., была Северная Африка, причем и там — с переменным успехом как ввиду ненадежных коммуникаций, так и потому, что Италия оказалась весьма слабым нашим союзником.

Япония хотя и была к началу войны с Россией нашим союзником по оборонительному союзу Трех держав, никоим образом надежным союзником не являлась. Все поступавшие оттуда известия говорили о том, что влиятельные японские круги стремились пакт Трех держав выхолостить и изыскивали различные возможности для того, чтобы превратить функционирование или нефункционирование этого пакта в объект торга с США. За нашей спиной в апреле 1941 г. японский министр иностранных дел Мацуока заключил с Россией свой пакт о ненападении (правильно: о нейтралитете. — Сост.).

Решающим для Адольфа Гитлера являлся в конечном счете тот факт, что и позиция США, которые еще до войны политически были против Германии, тем временем стала ярко выраженной враждебной. Хотя Гитлер с начала войны, по моей просьбе, строжайше запретил любые нападки нашей прессы на США, никакого действия на ведущуюся там антигерманскую травлю это не оказалось. Не была достигнута и главная цель пакта Трех держав: ссылкой на опасность войны на два фронта в случае вмешательства США политически подкрепить американских изоляционистов. Фюрер вместе со мной был убежден в том, что если Англия не заключит мира, мы должны считаться с тем, что рано или поздно США

вступят в войну против нас. При столь долго подстрекательски обрабатываемом общественном мнении США любой случайный или преднамеренный инцидент типа потопления «Лузитании» в первой мировой войне мог не сегодня завтра привести США в состояние войны.

В любом случае — таково было неоднократно выраженное мнение Адольфа Гитлера — при ставшем в 1940—1941 гг. явным нервозном состоянии дело могло прийти к тому, что Германия только с весьма слабой Италией и, по всей вероятности, стоящей в стороне Японией, с распыленными по всей Европе силами вынуждена была бы одна выдержать невероятный натиск трех сильнейших великих держав — Англии, США и России. Конечно, значительную роль сыграло при этом уже упомянутое представление о тесной антигерманской связи еврейства Востока и Запада. Какие бы убедительные аргументы ни приводил я Гитлеру, они не могли поколебать его убеждения в этом вопросе.

Повторю: для предотвращения уничтожения Германии с двух сторон Гитлер видел один-единственный выход: разделаться с Советским Союзом. Он напал на Россию прежде всего для того, чтобы самому не оказаться зажатым одновременно с Запада и Востока, как это все же случилось потом. В совместном нападении трех великих держав Адольф Гитлер видел проигрыш войны.

* * *

До визита Молотова в Берлин Гитлер, несомненно, еще питал надежду добиться прочных отношений с Россией. Требования Молотова, вероятно, породили у него этот поворот. Отныне он все резче рассматривал любые военные меры, предпринимаемые Россией. Я, как уже упоминалось, не был информирован об этом детально, но позже слышал, что в первую очередь были констатированы следующие советские меры: укрепление новой западной границы, устройство аэродромов вблизи границы, мощная концентрация войск, гигантский рост военного производства, ориентация на военную экономику. Незадолго до того, как разразилась война, у Советов имелось 158 дивизий, а к началу польской кампании их было еще всего 65. Причем речь шла, как сообщалось при этом фюреру, якобы только о моторизованных и танковых соединениях. Весной 1941 г. уже имели место значительные нарушения границы со стороны России. Интересны в этом отношении показания трех русских офицеров, которые позже попали в наш плен. Они собственными ушами слышали речь, которую Сталин произнес в мае 1941 г. в Кремле. Он совершенно открыто сказал тогда, что будущие цели Советского Союза отныне могут быть достигнуты только силой оружия. Красная Армия к этому готова.

Политические действия, которые советское правительство предпринимало в то время вопреки смыслу германо-русского договора, были, если их кратко перечислить, следующие.

Советский посол в Берлине Деканозов официально заявил 17 января [1941 г.] в нашем министерстве иностранных дел с вручением соответствующего документа: советское правительство считает своим долгом «предостеречь, что появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии и в районе обоих морских проливов будет считаться нарушением интересов безопасности СССР».

Когда затем в начале марта 1941 г. ввиду создавшегося из-за Греции положения был осуществлен ввод германских войск на территорию Болгарии, Молотов заявил, что наш шаг является «вызывающим сожаление», означает «нарушение интересов безопасности СССР» и что германское правительство «не может рассчитывать на поддержку его действий в Болгарии со стороны СССР». Аналогичное резкое заявление было направлено и болгарскому правительству, а затем опубликовано в печати. Все это происходило несмотря на то, что еще 27 февраля я поручил нашему посольству в Москве разъяснить, что как только английская опасность в Греции минует, за этим автоматически последует вывод германских войск из Болгарии.

В ответ на это советское правительство 5 апреля 1941 г. заключило «договор о дружбе» с югославским путчистским правительством Симовича. Это явилось особенно недружественным актом против Германии, ибо это путчистское правительство всего за два дня до того заняло место дружественного нам прежнего правительства.

Все это происходило в противоречии с советским заявлением от 28 сентября 1939 г., в котором говорилось, что Россия желает оказать Германии свою моральную поддержку в случае, если обоядные усилия по установлению мира не приведут к цели. Это относилось к тем областям, которые по договору не входили в русскую сферу интересов.

Уже сами по себе тесные отношения, которые советское правительство еще летом 1940 г. через британского посла в Москве сэра Страффорда Криппса установило с Лондоном, означали разрыв с нашими соглашениями. Черчилль тогда будто бы сказал, что не пройдет и полутора лет, как Россия выступит против Германии. Происходило и такое сближение Соединенных Штатов с Россией, что Рузвельт «на основе новейшей информации» смог намекнуть: вскоре произойдет вступление России в войну против Германии.

Для враждебной позиции советского правительства против нас, проявлявшейся в этом ходе событий, есть только два объяснения: или влияние и уступки Америки и Англии побудили Россию к новой ориентации, или же это было имевшееся у Сталина с самого начала намерение вообще не соблюдать заключенный с нами договор. Последнее объяснение отвечало взглядам Адольфа Гитлера, в то время как сам я считал и продолжаю считать и сейчас правильным объяснением поворота в русской политике первое. Мое мнение таково, что столкновения с Россией можно было избежать, однако для этого требовались уступки с нашей стороны.

Огромная мощь и развертывание военной силы Советского Союза логично выдвигают вопрос: был ли Адольф Гитлер с его

восприятием событий прав перед историей? Или же тот путь, к которому стремился я, был в долгосрочном плане все же возможен?

Когда позже я через одного своего посредника в Стокгольме дал русским знать, что фюрер, учитывая имеющиеся у нас материалы об агрессивных намерениях России, относится к возможным дальнейшим соглашениям с Москвой весьма скептически, русские в ответ дали мне понять, что вопрос о вине им, собственно говоря, довольно безразличен. Выяснение вопроса «что было раньше — курица или яйцо?», отвечали они, вопрос «типично немецкий».

Начало военных действий против Советской России 22 июня 1941 г. было концом начатой по моему предложению в 1939 г. политики компромисса на длительный срок между обеими империями.

Из книги: Joachim von Ribbentrop. Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen. Aus dem Nachlass. Herausgegeben von Annelies von Ribbentrop. Druffel-Verlag. Leoni am Starnberger See, 1953.

На русском языке публикуется впервые